

ПРОЕКТЫ. ПРОГРАММЫ. ГИПОТЕЗЫ

УДК 003.349
ББК Ш105.6

ГСНТИ 16.01.09

Код ВАК 10.02.01

Е. Н. Бекасова
Оренбург, Россия

«ИСТОЧНИК УЧИТЕЛЬНЫЙ»: ЗНАЧИМОСТЬ КНИЖНОГО ЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена значимости книжного учения в формировании человеческой цивилизации. Особое внимание обращается на специфику просветительской деятельности Кирилла и Мефодия, изначально стремящихся просветить славян и дать им право на собственную историю в кругу «великих», обладающих знаниями народов. Утверждение равенства всех на приобщение к книжной мудрости и ее преумножение стало на тысячелетия сутью традиций, заложенных просветителями славянских народов и их учениками. С принятием Киевской Русью христианства книжность становится одной из важнейших государственных задач, решение которой привело, с одной стороны, к освоению всего разнообразия произведений античности и средневековья, а с другой — к массовой грамотности, что было для того времени явлением исключительным. Проявившийся у просвещенных книжной мудростью людей новый взгляд на мироздание позволил сформировать и собственный литературный и просвещенческий фонд, нашедший свое отражение в том числе и в русской классической литературе. «Семена духовные», как главное в просветительской деятельности, позволили сформировать особую ментальность русского народа и его отношение к просвещению и книжности, которое аккумулировало выработанные ценности восточно-средиземноморского культурно-исторического ареала.

Ключевые слова: славянская письменность; памятники письменности; книжная культура; человеческая цивилизация; просветительская деятельность.

E. N. Bekasova
Orenburg, Russia

THE «SOURCE OF TEACHING»: THE SIGNIFICANCE OF BOOKLORE FOR THE FORMATION OF HUMAN CIVILIZATION

Abstract. The article is devoted to the importance of the book doctrine in formation of a human civilization. Special attention is paid to educational activity of Cyril and Methodius who initially were seeking to educate Slavs and to grant them the right to obtain their history in a circle of the «great» nations. The statement of equality in familiarizing with book wisdom and its enhancement became for the millennia an essence of the traditions put by educators of the Slavic people and their pupils. With adoption of Christianity by Kievan Rus' the booklore became one of the major national objectives that led, on the one hand, to familiarization of all variety of antique and medieval works, and on the other hand — to mass literacy, a rare phenomenon for those times. People of book wisdom obtained new perspective on the universe and created cultural fund reflected also in Russian classical literature. «Spiritual seeds» as the main thing in educational activities formed the mentality of Russian people and their attitude to the education and booklore which accumulated the values of the cultural and historical area of the Mediterranean East.

Keywords: Slavic writing; written records; book culture; human civilization; educational activities.

Как-то незаметно народное просвещение стало образованием. То ли всех просветили, то ли появилась потребность выстраивать обучение по какому-то образцу или делать кого-либо по заданному образцу. К сожалению, в современных рамках реформ и перестроек, глобализации и демократизации забывают о многовековом опыте вочеловечения, которое не только по Библии, но и по сути начиналось со Слова. Бесспорно, что устное слово стоит у истоков человечества, а книжное слово, особо подкрепленное божественной сутью, — у истоков цивилизации. У просвещенных книжной мудростью людей всегда проявлялся новый взгляд на мироздание. Именно в этом заключается суть просвещения народов, которые благодаря обретенной письменности получали возможность «причтется к великим языцам», творившим мудрость, и «пить из сего источника учительного».

Именно поэтому более тысячелетия сохраняется память о бессмертном подвиге просветителей Кирилла и Мефодия всеми славянами, включая западных, утративших тексты древнейшего литера-

турно-письменного достояния славянства: *«тврдым и боговдохновенным учением просвети мир пресветлами зарями, обтече ако млиши вселеную (Кирилле блажениче) расевая пресветлое божие слово на западе и севере и юге мир просвещая»* [Древнеславянский памятник 1862: 10].

Деятельность Кирилла и Мефодия изначально не укладывалась в рамки миссионерства и не только потому, что они подрывали триязычную доктрину, оберегающую только три обслуживающих нужды христианства языка, но прежде всего потому, что, создав азбуку и переведя важнейшие церковные книги, солунские братья обучили учеников, способных продолжить их подвиг в умножении книжного богатства, создании другой славянской алфавитной системы и собственного фонда памятников письменности. Почитание Кирилла и Мефодия было столь высоким, что именно их ученики заложили великие традиции почитания книжного. Уже в Житии Константина, после повествования о приезде Философа в Моравию, обучения учеников и перево-

да важнейших богослужебных текстов, делается вывод о достижении главной цели деятельности славянских просветителей — «и отверзлись по пророческому слову уши глухих, чтобы услышали слова книжные, и ясна стала речь косноязычных» [Сказание: 87]. В соединении двух цитат из книги пророка Исаяи (35.5; 32.4) [Сказание: 130] появилась чрезвычайно важная вставка «слова книжные», которая подчеркивает значимость просвещенческой деятельности славянских учителей. С этого времени, «просвещающая грады многи и страны буквами твоими почитающиеся книги» [Древне-славянский памятник 1862: 15], были заложены важнейшие традиции славянского просвещения. Через четверть тысячелетия летописец Нестор, излагая события крещения Руси, ссылается на уже новую — не столько религиозную, сколько просвещенческую — редакцию «пророческого слова»: «Симъ же раздаяннѡмъ на ученье книгамъ, сбьсться пророчество на Рустей земли, глаголющее: «Во оны дни услышатъ глушии словеса книжная, и яснь будет язык гугнивыхъ» [Повесть: 53]. И для него также будет важно Слово, несущее мудрость человеческой цивилизации: «велика бо бывает полза от ученья книжного; книгами бо кажемъ (наставляемы) и учими..., мудрость бо обретаем и воздержанье от словес книжных. Се бо суть реки, напаяющие вселеную, се суть исходница (источники) мудрости, книгамъ бо есть нещиетная глубина» [Повесть: 66].

Именно просвещенческую направленность своей деятельности отстаивал на церковном синоде Кирилл, обвиненный в ереси — распространении Слова Божия на варварском языке. Наверное, здесь впервые за все существование человечества была представлена «образовательная программа», утверждающая равные права всех народов на выработанную человечеством книжную мудрость, которая должна быть изложена на родном для них языке: «Не идѣт ли дождь от бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, зачем делаете Бога немощным, как если бы не мог дать (народам своего письма) или завистливым, как если бы не хотел дать? <...> Марк говорит также и о вас: “Горе вам, книжники, фарисеи, лицемеры, что взяли себе ключ к познанию. Сами не входите и хотящим войти возбраняете”. <...> Так, вы, если издадите языком непонятные слова, как станет понятным то, что говорите? Ведь если не знаю силу гласа, то буду чужестранцем. Не запрещайте говорить языками» [Сказание: 89–90]. В этой речи Философа, сохраненной в его Житии, важны три позиции: народ, «не разумеющий книжного образа, ни силы их», не имеющий учителя, который может «сказати книжные словеса и разум их» (из послания князя Ростислава [Повесть: 15]), слеп и глух — он лишен исторической перспективы; но все народы и каждый человек имеют равные права на просвещение, которое есть дело Божие и человеческое; не Бог велит быть народам глухими и слепыми, а те немощные и завистливые, которые взяли себе ключ к

познанию — не входя сами и не давая другим войти. Эти так называемые «книжники» с ключами от врат были и есть всегда — не пуская, отсеивая, ограничивая — и суть не в критериях (этнической, социальной, материальной), а в самой человеческой низости, ограничивающей человечество, прижимающей его к земному, вбивающей в рабскую подчиненность. Ветхие люди. Но Кирилл и в последней своей молитве просил Бога «вырастить множество людей, совокупив всех в единодушии, создать (из них) людей совершенных» [Сказание: 91], потому что знал, что в переведенных им и его учениками текстах сосредоточено то, что возвышает душу человека, облагораживает его помыслы и отчасти побеждает его пороки.

Накопленная человечеством мудрость, обретенная славянами на понятном им родном языке, сотворила нового человека, о котором с гордостью пишут авторитетные древнерусские авторы — митрополит Иларион и летописец Нестор — как о важнейшем итоге принятия христианства: «нови людье, просвещении Святым Духом», «и мы въ обновленье жизни поидемъ... Ветхая мимоидоша» [Повесть: 58, 50]. Как точно указывает И. И. Срезневский, «от самого прилива новых идей с христианством должны были измениться прежние понятия обо всем; таким образом, понятие и вся образованность народа должна сильно поколебаться и по тому самому должен был начать сильно изменяться строй языка», а за развитием языка «в его материальной форме» шло развитие «мысли, выражающейся в языке» [Срезневский 1996: 106, 99].

В Киевской Руси совлечение со старой языческой верой «ветхаго» человека, как образно описывает Иларион [Слово: 47], становится делом государственной важности. И поэтому с крещением людей и строительством церковью князь Владимир забирает детей нарочитой чади на ученье книжное [Повесть: 53]. А через сорок лет уже Ярослав Мудрый собирает в Киеве «писце многи и прекладаше от грекъ на словенское письмо. И списаша книги многи, ими же поучащяся вѣрнии людѣи наслаждаются ученья божественаго. Яко же бо се некто землю разоретъ, другий же насеетъ, ини же пожинають и ядятъ пищю бескудну, — тако и се. <...> а мы пожинаемъ, ученье приемлюще книжное» [Повесть: 66].

Вечная метафора земледельчества присутствует и здесь [Бекасова 2014]. Кто пахал землю? Кирилл, который перед смертью сказал Мефодию: «Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну (и ту же) борозду, и я на поле падаю, окончив день свой. Но не смей ради горы оставить учительство свое» [Сказание: 97]. Или Владимир-креститель — новый Константин великого Рима, «наш учитель и наставник» [Слово: 44]. А может, апостолы, оставившие Евангелие. Или многие безымянные книжники, веками собиравшие «свет дневной — слово книжное». Они же сеяли семена, взошедшие, по евангельской притче, «сторицею», и возвращали новых сеятелей. Замечательно, что Иван Федоров в послесловии к своему второму изданию Апостола обращается к теме Сеятеля: «Еже не удобно ми бе — раломъ ниже семеньсеяни-

емь время живота своего съкращати; но имам убо въместо рала — художество, наручныхъ дель съсуды, въмъсто же житныхъ семень — духовная семена по вселенней разсевати и всемь по чину раздавати духовную сию пищу» [Апостол: л. 261].

Те, кто пожинал, «*ученье приемлюще книжное*», действительно имел «*пищу бескудну*» (неоскудевающую), поскольку множились тексты — вновь и вновь переводимые из византийской сокровищницы. Мысль бывших язычников пробуждалась в осознании и выдвигении идей о своем месте и роли в мировом процессе, которые вылились в представления о славе, всемирной известности и мессианстве Киевской, а затем и Московской Руси. Закрепить эти идеи, передать через пространство и время возможно было только в результате освоения связанной с христианством письменности. Поэтому на Руси весьма быстро сложился общий фонд литературных произведений восточно-средиземноморского культурно-исторического ареала, связанный прежде всего с культурными и литературными ценностями Византии. Но устремления древнерусских книжников не ограничивались христианскими текстами: они с удовольствием переписывали «Александрию», «Историю иудейской войны» Иосифа Флавия, «Физиолог», «Христианскую топографию» Козьмы Индикоплава и даже житие Будды, то есть произведения, выходившие за пределы церковно-учительных текстов. Все это разнообразие «чтения доброго» имело своего читателя и обогащало русское общество и культуру «множеством религиозно-философских и социально-политических идей, историко-географических и естественнонаучных сведений» [Робинсон 1980: 76], что в свою очередь способствовало стремительному формированию собственных литературных произведений с глубоким генеалогически ориентированным историзмом, приверженностью к фактографии, с особой любовью к Русской земле и нравственно-учительным пафосом. Это позволило оригинальной древнерусской литературе, уже в самом начале своего становления представленной именами Илариона, Феодосия Печерского, Нестора и Кирилла Туровского, получить признание в славянском мире. Именно эти качества унаследовала от древнерусской литературы русская классическая литература, по-прежнему остающаяся непревзойденной по напряженным душевным поискам человеческой сути и устремленности к совершенному новому человеку с его божественной сутью в перипетиях несовершенного мира.

Просвещение народа имело на Руси столь значительный успех, что более тысячелетия, по справедливому утверждению О. Н. Трубачёва, «славянская письменность, книги славянского письма — извечный столп нашего культурного самосознания» [Трубачёв 2005: 24]. В Киевской Руси, судя по берестяным грамотам, практически все население было грамотным, причем традиции «почитания книжного» пронизывали все слои общества. Сохранились замечательные образцы-доказательства — от автографа Анны, дочери Ярослава Мудрого и французской королевы, пронзительно личного и высоконравственного Поучения Владимира Мономаха до трогательных упражнений в

письме мальчика Онфима. Следует подчеркнуть, что в те времена не важны были энциклопедические знания и эрудиция, сближающая, с одной стороны, человека с компьютером, а с другой — уничтожающего его в ограниченности бессистемной «памяти». Процесс почитания был неразделим с мыслительной деятельностью, именно поэтому одно из ранних дошедших до нас произведений — «Слово о почитании книжном» в составе «Изборника» 1076 г. — является руководством отношения к обретенным письмам, утверждая одну из основ славянской ментальности: «*Егда чьтеши книги, не чьти ся бързо шитисти до другая главизны, нь поразумьги, чьто глаголють книги и словеса та, и тришьды обраштаяся о единой главизнѣ. <...> То мы, братия, поразумемь и послушамь разумныма ушима, и поразумемь силу и поучение книгъ*» [Изборник: л. 1–3 об.]. Поэтому средневековый читатель мог осмысливать содержание книги, не торопясь, осваивая ее мудрость на протяжении всей жизни, отсюда популярность в Средневековье собраний, сборников самых разнообразных произведений в составе одного памятника, где книжники, как трудолюбивые пчелы, собирали книжный мед. Человек читал книгу, почитал ее, слушал разумно — и размышлял... Для него было нерушимо, что «*ум без книг, аки птица спешена. Яко ж она возлетати не может, тако же и ум недомыслится совершена разума без книг. Свет дневной есть слово книжное*». Книга почитается, и к ней невозможно приложить современные действия типа *пролистать, просмотреть, проглотить*, не говоря уже о том, что ее нельзя *проходить*... В этом кроется главная особенность и притягательность почитания книжного, «кибо общение слова, мысли и чувства есть не только дело великой важности, но едва ли не лучшее достояние человека на земле» [Хомяков 1900: 199].

Приемлющие книжность овладевали ею в такой степени, что знали тексты Священного писания на «*краи языка*». Так, Иван Грозный умело сплетал многочисленные цитаты из богатейшего фонда текстов со своими рассуждениями в доказательство своей правоты, заманивая оппонента книжностью в свои самодержавные сети [Бекасова 2015]. Протопоп Аввакум, в заточении лишенный книг, с высокой точностью ссылок и текстов подкреплял ими свои сочинения. Но именно в период церковных реформ впервые возникли сомнения в правильности и душеполезности текстов, вылившиеся в национальную трагедию. Однако до сих пор казаки-некрасовцы, сберегшие от дораскольничьих времен традиции почитания слова книжного и устного, показывают необычную емкость народной памяти, сохраняя весь церковный чин до реформенного богослужения и огромное фольклорное наследие. Современный человек во многом потерял способность знать наизусть большие объемы «душеполезных» текстов — избранных или народных. Отлученный от книг, он все больше полагается на своеобразные подпорки и подсказки, глобальной из которых становится интернет, назначение которого для многих — посмотреть и забыть, чтобы опять посмотреть и забыть...

Накопленное книжное богатство во многом было отсечено от народного просвещения при советской власти, атеистически отменшей практически

всю древнерусскую литературу — оригинальную, переводную, богослужебную, — а оставшуюся просеявшей через идеологическое сито. Единственной связующей нитью осталась русская литература, впитавшая все лучшее из наработанного Средневековья... Стоящий у истоков новой русской культурной парадигмы А. С. Пушкин, вынужденный написать по распоряжению Николая I «Записку о народном воспитании» (1826 г.) [Бекасова 2013], выделил три главных составляющих обогащения юношества познаниями — язык, литературу и историю. Среди языков предпочтение отдается русскому языку — без засилья французского, а также вовсе без латинского и греческого: «позволительна ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?» [Пушкин 1994: 148]. Важное место в образовании и воспитании должна занять литература, при этом А. С. Пушкин указывает на великое книжное богатство, накопленное Древней Русью, аккумулировавшей античное и средневековое просвещение. По А. С. Пушкину, словесность — один из важнейших столпов образования и воспитания, поскольку для него совершенно понятна выработанная веками подвижнического труда книжников истина: «чтение — вот лучшее учение. Следовать за мыслями великого человека есть наука самая замечательная». [Пушкин 1978: 37]. Однако именно в это время А. С. Пушкин отмечает новые тенденции в западноевропейской литературе, когда в книжность вступает «толпа людей тёмных с позорными своими сказаниями», «бесстыдными записками», «плутовскими признаниями», на которые охотно ведется «просвещённое» общество, обеспечивая им «успех» безнравственностью нашего любопытства [Пушкин 1994: 178]. При этом А. С. Пушкин, сам являясь поднадзорным, настаивает на необходимости власти «обратить мудрое внимание на соблазн нового рода» [Пушкин 1994: 199] в законодательном порядке.

Нерушимые традиции почитания книжного — это основа русской ментальности. Память о великой общности славян, усиленная священными текстами на понятном им языке, все еще сохраняется в современных условиях парадигмы общества потребления с девальвацией высоких идей и ценностей и разрушением целостной системы знаний. А более чем тысячелетняя история приобщения к выработанному человечеством духовному богатству, а затем созидания славянской и русской цивилизации все еще оставляют надежды на то, что просвещение неотвратно как свет дневной — «яко солнце на земле воссия, учителю, всюду притчами лучами богогласная просвещая» [Древнеславянский памятник: 12].

ЛИТЕРАТУРА

- Апостол* Ивана Федорова. — Львов, 1573–1574.
- Бекасова Е. Н. «Семена духовные» (юбилейные размышления) // Филологический класс. — 2014. — № 1 (35). — С. 125–129.
- Бекасова Е. Н. А. С. Пушкин о воспитании и образовании в России // Четвёртые Измайловские чтения, посвящённые 180-летию поездки А. С. Пушкина в Оренбург. Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 26–28 сентября 2013 г.: сб. статей; Мин-во образования и науки Рос. Федерации; ФГБОУ ВПО «Оренбургский гос. пед. ун-т». — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2013. — С. 41–51.
- Бекасова Е. Н. О коммуникативных стратегиях Ивана Грозного в послании в кирилло-Белозерский монастырь // Уральский филологический вестник / ФГБОУ «Уральский государственный педагогический университет. Вып. 4 // Материалы Всероссийского семинара с Международным участием «Психоллингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 27 ноября 2015 г. / гл. ред. проф. Т. А. Гридина. — Екатеринбург, 2015. — С. 5–18.
- Древне-славянский памятник, дополняющий Житие славянских апостолов святых Кирилла и Мефодия // Ученые записки Императорского Казанского университета по отделению историко-филологическим и политико-юридическим наукам 1862 г. Т. I. — Казань: Университетская типография, 1862. — 22+ II с.
- Изборник 1076 г. / изд. подгот. В. С. Гольщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов; под ред. С. И. Коткова. — М.: Наука, 1965. — 1090 с.
- Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва. — изд-е 2-е, испр. доп. — СПб.: Наука, 1996. — 668 с.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Том девятый. Письма 1815–1830 гг. — М.: Художественная литература, 1978. — 494 с.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. V. Автобиографическая проза. Отрывки. Афоризмы. Критика и публицистика. Исторические сочинения. — СПб.: Библиополис, 1994. — 708 с.
- Робинсон А. Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья (XI–XIII в.). Очерки литературно-исторической типологии. — М.: Наука, 1980. — 336 с.
- Сказание о начале славянской письменности. — М.: Наука, 1981. — 199 с. (Памятники средневековой истории народов центральной и восточной Европы).
- Слово о Законе и Благодати митрополита Иллариона // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева и др. — Т. 1 (XI–XII века). — СПб.: Наука, 1997. — С. 26–61.
- Срезневский И. И. Мысли об истории русского языка / вступ. ст. С. Г. Бархударова. — Изд-е 3-е стереотипное. — М.: КомКнига, 2007. — 136 с. (История языков народов Европы).
- Трубачёв О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. — 3-е изд., доп. — М.: Наука, 2005. — 287 с.
- Хомяков А. С. Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. — Изд-е 3, доп. — Т. 1. — М.: Университетская типография, 1900.

REFERENCES

Apostol Ivana Fedorova. — L'vov, 1573–1574.

Bekasova E. N. «Semena dukhovnyye» (yubileynye razmyshleniya) // Filologicheskii klass. — 2014. — № 1 (35). — S. 125–129.

Bekasova E. N. A. S. Pushkin o vospitanii i obrazovanii v Rossii // Chetvertye Izmaylovskie chteniya, posvyashchennyye 180-letiyu poezdki A. S. Pushkina v Orenburg. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya. Orenburg, 26–28 sentyabrya 2013 g.: sb. statey; Min-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federatsii; FGBOU VPO «Orenburgskiy gos. ped. un-t». — Orenburg: Izd-vo OGPU, 2013. — S. 41–51.

Bekasova E. N. O kommunikativnykh strategiyakh Ivana Groznogo v poslanii v kirillo-Belozerskiy monastyr' // Ural'skiy filologicheskii vestnik / FGBOU «Ural'skiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. Vyp. 4 // Materialy Vserossiyskogo seminar s Mezhdunarodnym uchastiem «Psikholingvistika v obrazovanii i aspekty izucheniya lingvokreativnykh sposobnostey» 27 noyabrya 2015 g. / gl.

red. prof. T. A. Gridina. — Ekaterinburg, 2015. — S. 5-18.

Drevne-slovyanskiy pamyatnik, dopolnyayushchiy Zhitie slovyanskikh apostolov svyatykh Kirilla i Mefodiya // Uchenyya zapiski Imperatorskogo Kazanskogo universiteta po otdeleniyu istoriko-filologicheskim i politiko-yuridicheskim naukam 1862 g. T. I. — Kazan': Universitetskaya tipografiya, 1862. — 22+ II s.

Izbornik 1076 g. / izd. podgot. V. S. Golyshenko, V. F. Dubrovina, V. G. Dem'yanov, G. F. Nefedov; pod red. S. I. Kotkova. — M.: Nauka, 1965. — 1090 s.

Povest' vremennykh let po Lavrent'evskomu spisku 1377 g. / podgotovka teksta, perevod, stat'i i kommentarii D. S. Likhacheva. — izd-e 2-e, ispr. dop. — SPb.: Nauka, 1996. — 668 s.

Pushkin A. S. Sobranie sochineniy v desyati tomakh. Tom devyatyy. Pis'ma 1815–1830 gg. — M.: Khudozhestvennaya literatura, 1978. — 494 s.

Pushkin A. S. Sobranie sochineniy v pyati tomakh. T. V. Avtobiograficheskaya proza. Otryvki. Aforizmy. Kritika i publitsistika. Istoricheskie sochineniya. — SPb.: Bibliopolis, 1994. — 708 s.

Robinson A. N. Literatura Drevney Rusi v literaturnom protsesse Srednevekov'ya (XI–XIII v.). Ocherki literaturno-istoricheskoy tipologii. — M.: Nauka, 1980. — 336 s.

Skazanie o nachale slavyanskoy pis'mennosti. — M.: Nauka, 1981. — 199 s. (Pamyatniki srednevekovoy istorii narodov tsentral'noy i vostochnoy Evropy).

Slovo o Zakone i Blagodatii mitropolita Illariona // Biblioteka literatury Drevney Rusi / pod red. D. S. Likhacheva, L. A. Dmitrieva i dr. — T. 1 (XI–XII ve-ka). — SPb.: Nauka, 1997. — S. 26–61.

Sreznevskiy I. I. Mysli ob istorii russkogo yazyka / vstup. st. S. G. Barkhudarova. — Izd-e 3-e stereotipnoe. — M.: KomKniga, 2007. — 136 s. (Istoriya yazykov narodov Evropy).

Trubachev O. N. V poiskakh edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. — 3-e izd., dop. — M.: Nauka, 2005. — 287 s.

Khomyakov A. S. Polnoe sobranie sochineniy A. S. Khomyakova. — Izd-e 3, dop. — T. 1. — M.: Universitetskaya tipografiya, 1900.

Данные об авторе

Елена Николаевна Бекасова — доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург).

Адрес: 460000, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19.

E-mail: bekasova@mail.ru.

About the author

Elena Nikolaevna Bekasova is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistic and Methods of Teaching of Russian Language, Orenburg State Pedagogical University (Orenburg).